

Они свернули за угол в извилистую галерею, и Дуань Лин собирался что-то сказать, но У Ду дал ему знак пока молчать. Он вел его по бесчисленным переходам, пока они не дошли до уединенного коридора, после чего попросил Дуань Лина присесть, а сам вышел наружу и осмотрел коридор с обеих сторон, чтобы убедиться, что он действительно пуст.

Галерея была совершенно безлюдна. Если кто-то придет, его можно будет увидеть издалека.

— Тебе холодно? — спросил Дуань Лина У Ду.

Дуань Лин потирал руки.

— Нет. Это Му Цин привел меня сюда.

— Это было слишком опрометчиво с его стороны. Что сказал Се Ю?

Они сидели бок о бок. У Ду притянул руку Дуань Лину, взяв ее в свою. После того как во время поединка его ци перемещалась по всему телу, его ладони стали удивительно теплыми, и каждая снежинка, пролетевшая по коридору и упавшая на его кожу, быстро таяла. Опираясь на плечо У Ду, Дуань Лин тихо рассказывал обо всем, что произошло сегодня, а также о своих догадках насчет Бату.

— Между Хатан-Батором и твоей семьей тянется кровная вражда. Покойный император убил Наянь То, так что я не знаю, пришел ли он сюда ради мести, или нет.

Дуань Лин вспомнил слова отца о том, что Наянь То однажды хотел помериться силами с Ли Цзяньхуном, и тот убил его одним движением меча. Его отец убил учителя Хатан-Батора, и так они стали кровными врагами. Если Хатан-Батор когда-нибудь узнает о его настоящей личности, он точно доставит ему немало проблем.

— Тогда мне следует как можно скорее уехать. Я вернусь в поместье канцлера.

— Оставайся здесь. Этот парень на встрече с канцлером Му и другими дворцовыми министрами, поскольку монголы хотят подписать контракт. Из всех мест дворец — самое безопасное. Когда я закончу здесь, я отвезу тебя домой.

Однако голова Дуань Лина была занята не этим. Он спросил:

— Ты умеешь танцевать согдийский вихрь?

— Согдийский вихрь? Нет, не умею, — ответил У Ду с изумленным видом.

— Тогда как ты научился этому стилю меча... — Дуань Лин не знал, с чего начать.

У Ду немного подумал и объяснил. Оказывается, основатель Зала Белого Тигра не только добывал мечи, но и украл все у сект, на которые совершал набеги, обобрав их до нитки. В поисках мечей он также забирал их секретные руководства по боевым искусствам. Среди них был и Согдийский меч.

Зал Белого Тигра на протяжении многих лет не терял бдительности по отношению к сектам меча Юйлинь, поэтому они сохранили методы ци и руководства по мечам в своей секте.

— И ты серьезно этому научился? — удивленно спросил Дуань Лин.

— Конечно.

У Ду выглядел беспокойным и часто поглядывал в конец коридора. Он снова перевел взгляд на Дуань Лина и сказал:

— В обязанности Зала Белого Тигра входит охрана Сына Неба, поэтому нам пришлось учиться всему понемногу. Я должен был предупредить Хатан-Батора, чтобы он не вздумал ничего затевать в Цзянчжоу. Узнав, что кто-то может подавить его боевые искусства, он наверняка не будет столь агрессивным, как ему хотелось бы, — иначе кто знает, что произойдет. В конце концов, предмет переговоров посланника с императорским двором касается происходящего на границе.

Дуань Лин только сейчас понял, что У Ду не бросил вызов Хатан-Батору в порыве гнева, а пытался выманить его на поединок, чтобы оба узнали, на что способен другой. Даже если у Хатан-Батора есть план, он не станет делать опрометчивых шагов, опасаясь У Ду.

— Приемы, которые ты использовал раньше, очень похожи на это, — объяснил Дуань Лин и подтянул У Ду к себе. Он переставил одну ногу через другую, сделал шаг в сторону левой и, повернув корпус, начал учить У Ду согдийскому вихрю.

На лице У Ду сверкнула улыбка. Поскольку он все равно ждал, когда его вызовут, он шел в обратном направлении, поворачиваясь и петляя влево и вправо, следуя за Дуань Лином в согдийском вихре. У Ду в шелковом одеянии вел себя довольно непринужденно и свободно двигался, в то время как танец Дуань Лина был просто безупречен, с четким чувством ритма в каждом шаге. Он напевал песню, которой научил его Хэлянь Бо, и они начали танцевать в коридоре.

Вокруг них кружились снежинки; У Ду вдруг почувствовал, что кто-то приближается, и тут же остановился, но у Дуань Лина не было времени, чтобы уйти с дороги. Проследив за взглядом У Ду, он обнаружил, что из конца извилистой галереи к ним приближался Ли Яньцю.

В сумерках облаченный в белое одеяние Лан Цзюнься летел по улицам вдоль крыш с глиняной черепицей, следуя за монгольским караваном, пока не оказался возле гостиницы, где остановился Хатан-Батор. Он перелез через стену на задний двор и вошел в комнату, распахнув окно. Пройдя через него, он небрежно обернулся назад, чтобы стереть с подоконника отпечатки своей обуви, а затем ловким прыжком забрался на потолочную балку, где и замер в ожидании.

Хатан-Батор завел своих людей в комнату и всем, кроме мускулистого Амги, приказал покинуть ее.

Двое понизили голос и начали говорить на языке, который не был ни монгольским, ни ханьским, а использовался в другой стране — Хорезмском княжестве.

Присев на колени на деревянной балке, Лан Цзюнься закрыл глаза и, затаив дыхание, прислушался к разговору.

— Если мы не сможем достать письмо, написанное от его руки, у нас не будет возможности опознать его почерк, — Хатан-Батор достал набор пожелтевших экзаменационных листов и обратился к Амге. — Мы можем как-то выкрасть копию его почерка?

— Его Высочество сказал, что этот наследный принц непременно оставляет свои примечания на меморандумах. Почему бы нам не найти способ выкрасть копию из канцелярии?

— Несколько символов недостаточно, чтобы что-то доказать.

Хатан-Батор зажег фонарь. Взгляд Лан Цзюнься следил за светом фонаря, и его опасения росли с каждой секундой.

Два пожелтевших комплекта экзаменационных работ — это сочинения, написанные Дуань Лином и Цай Янем, когда они учились в Академии Биюн. На одном из них стояла печать Дуань Лина, а на другом — Цай Яня.

— Почему мне кажется, что почерк на этом письме и экзаменационной работе схожи? — спросил Хатан-Батор.

— Наследный принц Южной Чэнь в раннем детстве воспитывался Улохоу Му, он учил его читать и писать. Разумеется, в их почерке будет сходство.

— Почему бы нам не представить эти две экзаменационные работы их императору? — сказал Хатан-Батор.

— Так не пойдет. В конце концов, человек, которого нам нужно найти, — это тот, кого называют Дуань Лином. Раскрытие личности этого «Цай Яня» до того, как мы его найдем, не даст нам никаких преимуществ.

— Мы ждали целых три месяца, прежде чем нам удалось увидеть Ли Яньцю, — добавил Хатан-Батор. — Если мы хотим увидеть его снова, разве нам не понадобится еще три месяца? Как долго нам придется ждать?

— Нам нужно будет поработать над этим Му Куандой, — отложил экзаменационные листы и произнес Амга. — Мы что-нибудь придумаем. Не будем торопиться.

Все еще разговаривая, они снова вышли из комнаты, а Лан Цзюнься легким движением встал на ноги, выпрыгнул из окна и исчез в ночи.

Во дворце Дуань Лину уже было поздно скрываться от Ли Яньцю. Он представлял себе встречу с ним в сотне тысяч разных вариантов, но никогда не думал, что столкнется с ним прямо здесь и сейчас.

Ли Яньцю остановился перед У Ду и Дуань Лином. Сначала он взглянул на Дуань Лина, а затем перевел взгляд на У Ду. Кто это?

Дуань Лин в оцепенении смотрел на Ли Яньцю. Они с Ли Цзяньхуном были удивительно похожи: брови, носы, губы — даже рост у них был почти одинаков, как будто их отлили по одной форме. Самое большое различие между ними было во впечатлении, которое они производили: Ли Яньцю был сдержан, слабого телосложения, от него исходила аура неуверенности, и, казалось, он ко всему относился с подозрением.

Дуань Лину казалось, что секунды, которые Ли Яньцю провел, глядя на него, длились вечно.

У Ду так нервничал, что забывал дышать. Грозовые тучи судьбы собирались, как предчувствие бушующего шторма, и каждая мелочь могла вызвать бурю в океане будущего Великой Чэнь.

И все же сцена, которую они ожидали увидеть, не произошла. Наконец взгляд Ли Яньцю обратился к У Ду.

— У Ду? — спросил Ли Яньцю, выглядя недовольным.

У Ду похлопал по плечу Дуань Лина, и тот, поняв, что он имеет в виду, опустился на колени, чтобы формально поприветствовать Ли Яньцю.

— Я простолудин Ван Шань. Приветствую вас, Ваше Величество.

— Встань, — ответил Ли Яньцю.

Дуань Лин отступил к У Ду. Ли Яньцю спросил его:

— Кем тебе приходится У Ду?

— Ваше Величество, — У Ду вскинул кулак в знак приветствия и уже собирался что-то объяснить, как его перебил Ли Яньцю.

— Я спрашиваю только его, — сказал Ли Яньцю.

Дуань Лин молчал, чувствуя, что Ли Яньцю не проявляет к У Ду особого уважения, и это его несколько разочаровывало. Неожиданный поворот: они выполнили план У Ду раньше срока, и, что вполне предсказуемо, дядя его не узнал.

То, что это произошло, вполне соответствовало его ожиданиям и было разумным исходом. Возможность, о которой они так мечтали, в тот же миг исчезла, не оставив ни малейшего следа.

Дуань Лин пришел в себя и, дав себе секунду на размышление, ответил Ли Яньцю:

— Он мой господин*.

* Дуань Лин назвал У Ду 家主 «лаоэ», общее обращение к главе семьи. Оно подразумевает «мой господин и повелитель» (т.е. муж, муженек), но тонкость в том, что так Дуань Лин раньше называл Му Куанду (теперь он называет Му Куанду своим учителем).

У Ду смотрел на него выпученными глазами.

— Что? — Ли Яньцю внезапно нашел это весьма забавным и засмеялся.

У Ду засмутился, и тут до Ли Яньцю дошло, что мальчик — член его семьи; обращаться к нему, как к «господину», могут мальчики на побегушках в его доме, а также его жена, и то же самое касается его слуг. Это просто значит «глава семьи».

— Как ты вошел? — холодно спросил Ли Яньцю. — Это У Ду привел тебя сюда?

Дуань Лин больше ничего не говорил, но и не уточнял, что его привел Му Цин, чтобы не вызвать подозрений Ли Яньцю. Тот с упреком обратился к У Ду:

— Похоже, для вас, убийц, дворец — как собственный задний двор, куда вы можете приходить и

уходить по собственному усмотрению.

— Я бы ни за что, — поспешно добавил У Ду. — Шань-эр учился дома, и я боялся, что после моего приезда во дворец он забросит учебу, поэтому заставил его остаться в Зале Цзяоту*. Я не ожидал, что он пойдет искать меня, и даже доберется сюда.

* Цзяоту — мифологическое существо, сын дракона и моллюска. Любит спокойствие, стабильность. Часто встречается на различных дверях и воротах с кольцом для стука в дверь в зубах — так он словно выступает в роли «стража на входе». Он закрывает дом, когда близка опасность, как мидия захлопывает свою раковину. Поставить изображение Цзяоту на дверях — значит, позаботиться о том, чтобы двери всегда запирались плотно и надежно. Выглядит как мидия или улитка. Очень привязан к природе.

Они были недалеко от Зала Цзяоту, поэтому Ли Яньцю не стал его донимать.

Он обратился к Дуань Лину:

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать, — ответил Дуань Лин.

— Когда ты начал жить у У Ду?

— В прошлом году.

Ли Яньцю перестал выпытывать у него подробности и обратился к У Ду:

— Пойдем со мной, — а затем сказал евноху рядом с собой:

— Отведи Ван Шаня в зал Цзяоту. На улице слишком холодно.

У Ду бросил взгляд на Дуань Лина, давая понять, что ему не стоит беспокоиться. Дуань Лина привели в зал Цзяоту; он осмотрелся и пришел к выводу, что дворец действительно чересчур велик. Во всем зале его ожидали только два евноха. Они принесли ему миску сладких липких рисовых клецок в имбирном сиропе.

Довольно скучно жить во дворце, подумал Дуань Лин; какой огромный дом, но какой пустой, заброшенный и безрадостный. Он вспомнил, что его отец много лет подряд возглавлял армию за пределами столицы, и только его дядя Ли Яньцю оставался рядом с дедом — то есть Ли Яньцю большую часть времени проводил во дворце один, и, возможно, ему было очень одиноко. Вероятно, евнохи, телохранители, чиновники и даже младшая сестра Му Куанды для него были не более чем «чужаками».

Сидя один в комнате, не захватив с собой ни книг, ни кого-либо, кто мог бы составить ему компанию, Дуань Лин одиноко наблюдал за тем, как постепенно темнеет зимнее небо за окном — вот-вот закончится еще один день. Казалось, что многие события подошли к концу, хотя он ничего не сделал. Ему очень не нравилось это ощущение, и он хотел поскорее вернуться домой, сесть напротив У Ду, принести с очага глиняный горшок, наполненный вкусно пахнущей едой, и вместе поужинать.

Стоя перед тем же самым пейзажем, который каждый император, когда-либо живший во дворце, наблюдал каждый день своими глазами, он думал об одиночестве, которое переживал его дядя, и это заставило его испытывать противоречивые чувства.

Живя во дворце каждый день в одиночестве, он, должно быть, всегда ждал, когда мой отец вернется домой, подумал Дуань Лин. Он вполне мог ему посочувствовать: когда Ли Цзяньхун возвращался домой после многолетней службы во главе войск на границе, дядя, должно быть, с нетерпением ждал его возвращения, и его предвкушение было ничуть не меньше, чем тоска Дуань Лина по отцу.

Дуань Лин откинул голову на скрещенные на столе руки, немного сонный, и когда он выглянул из-под руки, чтобы проверить время суток, то обнаружил, что кто-то идет к нему в сиянии заката, стоя перед залом, спиной к последнему лучу лиловых сумерек.

В зале Цзяоту евнухи начали зажигать фонари.

В одно мгновение тьма исчезла из комнаты, проносясь мимо стоящего за дверьми человека, и весь мир стал светлее.

— Пойдем, — сказал У Ду Дуань Лину, — я здесь закончил.

Дуань Лин улыбнулся и быстро подошел к нему. У Ду взял его за руку, их пальцы переплелись, и они торопливыми шагами по коридору покинули дворец. Когда они достигли конюшни за дворцом, У Ду позволил Дуань Лину сесть на Бэнь Сяо, а сам расположился позади него, и они вдвоем покинули дворец.

— Что он сказал? — спросил Дуань Лин.

— Его Величество не узнал тебя. Он предполагает, что Чжэньшаньхэ, скорее всего, находится в руках монголов, и вызвал меня в императорский кабинет, чтобы дать мне задание разыскать меч хана Хубилая, чтобы мы могли использовать его для обмена с монголами на меч нашего царства.

С наступлением темноты на улице разыгралась метель, и хотя не было настолько пронизывающего ветра, как в Шанцзине, морозная сырость неприятно приставала к коже. У Ду развернул Дуань Лина к себе, чтобы тот прислонился к его груди, и направил Бэнь Сяо по улицам и переулкам к центру Цзянчжоу.

— А что с наследным принцем?

— Не беспокойся о нем. Когда я вышел, он был еще на совещании и, полагаю, уже забыл обо мне. Ты помнишь, где этот меч?

Дуань Лин вспомнил свой побег из Шанцзина; он начал носить этот меч при себе с того дня, как монголы напали на город. Когда он пересекал пшеничные поля, у него начался сильный жар, а когда он очнулся, то уже был в деревне в горах Сянбэй. Ножны меча к тому времени были утеряны, и Цай Янь отдал меч ему. Вскоре после этого монгольские солдаты напали на него, и меч был потерян в деревне. Перед тем как сбежать из нее, он заколол солдата кинжалом, который дал ему Бату.

Последний раз он видел этот меч в ту ночь, когда монгольская армия разгромила деревню. А когда появился Лан Цзюнься? Возможно, те солдаты нашли меч и забрали его с собой. Но куда они его понесли?

Дуань Лин рассказал У Ду, что произошло той ночью, и тот некоторое время молча размышлял об этом, а затем кивнул, давая понять Дуань Лину, что понял.

— Улохоу Му может знать, куда делся тот отряд монгольских солдат, — сказал Дуань Лин. — Но разве те солдаты не должны были передать его своему начальству, как только нашли меч?

— Не обязательно. Нашедшие его солдаты могли и не знать, что это такое, и оставить его у себя, а может, они передали его начальнику, но тот поступил эгоистично и умолчал об этом, чтобы никто не узнал.

У Ду остановился перед рестораном, и до этого Дуань Лин не заметил, что они не возвращаются в поместье канцлера. Вместо этого они прибыли в лапшичную. Снаружи развевалась вывеска из пяти слов: «Лучшая лапша в мире».

— Этот ресторан работает уже более трехсот лет, сказал Дуань Лину У Ду. — У тебя сегодня день рождения, так что я закажу тебе здесь миску лапши.

На всей земле под небесами единственным человеком, который помнил о его дне рождения, был не кто иной, как У Ду.

— Вот это хвастовство. Я слышал, что Чжэн Янь очень хорошо готовит, — сказал Дуань Лин, — неужели их лапша еще лучше, чем у него?

— Ш-ш-ш, — шикнул на него У Ду и загадочно произнес. — Чжэн Янь однажды проиграл владельцу этого заведения.

У Дуань Лина округлились глаза.

Уже давно наступили сумерки, но в ресторане было шумно, повсюду сновали люди.

У Ду зашел внутрь и достал записку, которую передал официанту. Тот лишь взглянул на нее и сказал:

— Пожалуйста, пройдите в обеденный зал наверху, уважаемые господа.

— Ты заказал столик? — спросил Дуань Лин.

— Заказывать столик в «Лучшей лапше в мире», — с улыбкой произнес официант, — нужно на месяц вперед.

У Ду начал хмуриться, как бы отчитывая официанта за то, что тот слишком много болтает, но Дуань Лин схватил его за руку и потащил вверх по лестнице, чтобы убедиться, что тот не пытается преподать ему урок.

— Это Чжэн Янь припас для меня место, — объяснил У Ду Дуань Лину.

— Не нужно объяснять, — Дуань Лин даже не знал, что ему ответить. — А в чем разница?

Лицо У Ду снова начало немного пылать, и они поднялись на второй этаж. Наверху было только два низких столика, их разделяла ширма. Дуань Лин и У Ду сели за один стол, скрестив ноги друг напротив друга, а официант спустился вниз, чтобы приготовить им еду.

— Сегодня... — У Ду на мгновение задумался, а затем нерешительно произнес. — Ты ведь не расстроился, правда?

— Расстроился? Мне совсем не грустно. С чего ты взял? Я очень даже счастлив.

— Его Величество когда-нибудь узнает тебя, — сказал У Ду Дуань Лину.

До сих пор Дуань Лин не понимал, что имел в виду У Ду — он боялся, что Дуань Лин будет слишком разочарован, но то, что Ли Яньцю не видит в нем сына Ли Цзяньхуна, вполне соответствовало его ожиданиям. Он улыбнулся и успокоил его:

— Все в порядке. Я знал, что так будет.

— Но он провел довольно много времени в императорском кабинете, — сказал У Ду.

— Кроме празднования дня рождения наследного принца, у монголов была какая-то другая цель? — У Дуань Лина возникло ощущение, что миссия монгольского посланника далеко не

проста.

— Может, не будем говорить об этом? — небрежно бросил У Ду, его глаза сияли.

— Хорошо, — Дуань Лин тоже нашел это комичным и почувствовал себя виноватым; когда он поднял глаза и встретился взглядом с У Ду, в его сердце вспыхнуло тепло.

— Тогда о чем мы будем говорить? — спросил Дуань Лин.

Если подумать, У Ду тоже не думал, что им нужно о чем-то говорить — в конце концов, они были вместе днем и ночью, и все, что требовалось сказать, уже было сказано.

— Это место я посетил, когда впервые приехал в Цзянчжоу, — произнес У Ду.

— Мой отец однажды сказал мне, что, когда в Цзянчжоу наступает весна и распускаются персиковые цветы, город становится просто потрясающим.

Когда он услышал, как Дуань Лин говорит о своем отце, У Ду стало немного не по себе. Он вздохнул и улыбнулся ему с нотками раскаяния.

— Есть ли место, которое ты хотел бы увидеть? — сказал У Ду.

Дуань Лин вспомнил слова Ли Цзяньхуна.

— Я хочу увидеть Дяньнань и Юйбигуань. Хочу увидеть все прекрасные места в мире. Увидеть озеро, неподвижное, словно зеркало, где вода всегда сладка под горой снега... И хочу увидеть океан.

Дуань Лин подумал об отце: если бы он был еще здесь, праздновал бы он сегодня с ним свой день рождения? Но У Ду произнес:

— Шань-эр.

— Что?

У Ду, казалось, был в напряжении, словно хотел что-то сказать ему, но его щеки пылали все сильнее, пока он обдумывал свои слова. Он поднял чашку, отпил глоток чая и перевел взгляд в другое место.

— В будущем я отведу тебя туда, — У Ду несколько секунд обдумывал свои слова и сказал Дуань Лину. — Я отведу тебя во все места, где ты еще не был, во все места, которые ты

захочешь увидеть. Обещаю, даже если ты станешь... станешь... я все равно отведу тебя туда. Мы тайком отправимся к океану, увидим снег, горы и озера, и вернемся только тогда, когда ты достаточно повидаешь.

Когда он закончил говорить, его глаза не отрывались от Дуань Лина, а щеки горели; он сделал еще один глоток чая и уклонился от зрительного контакта. В его глазах сияла улыбка.

В сердце Дуань Лина зародилось странное чувство, не похожее ни на одно из тех, что он когда-либо испытывал, находясь рядом с У Ду. Несмотря на то, что сейчас была зимняя ночь, в его сердце словно зацвело персиковое дерево: зеленые побеги превратились в свежие листья, а бутоны — в пылающие цветы в преддверии весны.

— Конечно, — сердце Дуань Лина начало бешено биться в груди; он почему-то вспомнил тот момент, когда У Ду в черной одежде разбойника прислонил его к своей груди и нес на руках, мчась по крышам; вспомнил, как У Ду обнимал его, облаченный в доспехи и пропахший кровью, когда звезды ярко сияли над стенами Тунгуань.

Чувства нахлынули на него и разлились в груди, словно все, что он потерял с момента отъезда отца, наконец-то вернулось к нему, прямо перед ним, в человеке, сидящем за столом. Дуань Лин хотел дать этому чувству название, но не знал, как его описать, и еще меньше представлял, как произнести его вслух.

— Я помню, что... — сказал Дуань Лин.

У Ду посмотрел на Дуань Лина, но у него в голове все вдруг спуталось; его глаза не могли вместить ничего, кроме У Ду, и слова подвели его, не в силах передать, что он чувствует, он произнес:

— Помню...

Что я хотел сказать? Дуань Лин опустил голову.

— Что ты помнишь?

— Помню... — Дуань Лин потерял ориентиры и совсем смутился. Он повернулся к снежинкам, порхающим над землей за окном, и сказал. — Я помню, что глава школы когда-то учил меня... стихотворению... Я вспомнил его сейчас. Оно довольно красиво звучит.

— Какое стихотворение?

Дуань Лин уже собирался прочесть стихотворение У Ду, но тут вспомнил слова, и щеки его покраснели; в голове всплыла лишь одна сцена — та ночь в Тунгуань, когда они оба были одеты в белые одежды, У Ду прижимал его к кровати и подшучивал над ним. «Если бы я

действительно хотел взять тебя, не было бы смысла звать на помощь».

Между тем сидящий перед ним У Ду был одет в хорошо сидящий на нем халат мастера боевых искусств, а его рука над чашкой почему-то слегка подрагивала.

— Я... забыл.

Сердце Дуань Лина бешено колотилось, и столько воспоминаний нахлынуло на него, но он не понимал, что с ним происходит, ведь он до сих пор помнил то стихотворение.

«В горах деревья и ветки на деревьях; Я храню тебя в сердце, ой! Ты не знаешь*.»

* Песня лодочника из Юэ — короткая песня на неизвестном языке южного Китая, которая была написана примерно в 528 г. до н. э. Транскрипция с использованием китайских иероглифов, а также китайская версия сохранились в «Саду историй», составленном Лю Сяном пять веков спустя. Министр Чу рассказывает об инциденте, в котором принц 6-го века до н.э. Цзыси, владыка Е, во время экскурсии на своей государственной барже был заинтригован пением своего лодочника, и попросил переводчика перевести его. Это была песня, восхваляющая сельскую жизнь, выражающая тайное удовольствие лодочника от знакомства с принцем. Услышав это, принц обнял лодочника и дал ему украшенный плащ.

Он вспомнил, как впервые встретил У Ду, как тот приготовил для него противоядие; как в поместье Му помог ему поступить в школу и сдать экзамены; как в горах Циньлин У Ду облачился в доспехи и отправился за него на войну; как на городской стене Тунгуань У Ду приволок к нему свое раненое тело, отважившись на любую опасность, чтобы спасти его.

Глава школы как-то сказал им, что это и есть «любовь», и Дуань Лин вдруг почувствовал, что это совсем не та любовь, которую он испытывает к отцу или к своим товарищам... В его сердце беспорядочно бурлили эмоции, он не знал, что сказать, и поэтому сразу взял чашку и сделал глоток чая.

Когда он снова поднял взгляд, чтобы встретиться с глазами У Ду, они оба, казалось, собирались заговорить и остановились; слова задержались на их языках. Дуань Лин в оцепенении смотрел на У Ду, его мысли на мгновение стали слишком запутанными и не поддавались выражению. У Ду потянулся к лацкану, чтобы достать что-то из кармана, но рука соскользнула и случайно опрокинула чашку с чаем. Чай пролился и потек на Дуань Лина.

У Ду быстро оглянулся в поисках тряпки, чтобы вытереть стол, а Дуань Лин произнес:

— Все в порядке.

У Ду заставил Дуань Лина подойти ближе к окну и сказал:

— Я позову кого-нибудь, чтобы все убрали.

— Официант! — громко позвал У Ду.

Снизу донесся звук шагов, и Дуань Лин успокоился, сидя на месте. Он хотел поднять голову и посмотреть на У Ду, но ему было слишком неловко. Раньше У Ду казался ему просто красивым, но теперь в его лице появилось что-то такое, чего он раньше не замечал; когда он смотрел на него сегодня, У Ду казался все краше с каждой секундой.

Шаги приближались, и на второй этаж поднялась фигура, но это был не официант. Она зашла за соседнюю перегородку.

Официант последовал за ней и спросил:

— Что бы вы хотели заказать, господин?

— Я ничего не буду, — ответил голос.

Услышав этот голос, Дуань Лин мгновенно был поражен; выражение лица У Ду также было исполнено изумления.

Лан Цзюнься!

Что здесь делает Лан Цзюнься?!

Он сидел прямо за перегородкой, на расстоянии одной ширмы от У Ду. В голове Дуань Лина все завертелось, но У Ду протянул руку к его спине и покачал головой: «Не надо бояться. Я здесь».

— Миску ваших фирменных вонтонов и чашку пуэра. Принесите их за соседний столик, — добавил Лан Цзюнься.

— Сегодня у тебя день рождения, — сказал Лан Цзюнься из-за ширмы. — Я был слишком занят и не успел ничего приготовить. Попробуй их вонтоны. Они очень вкусные.

Дуань Лин не ответил ему. И вот они втроем просто мирно сидели.

Стояла тишина, и чай растекался по столу и капал с края, одна капля, затем две, падали на ковер, на котором стоял стол, образуя расплывающееся темное пятно.

Брови У Ду плотно сошлись, и вскоре Дуань Лин заговорил:

— Я больше не ем вонтоны. Прошло много времени с тех пор, как я ел их в последний раз.

— Боишься, что они отравлены? — сказал из-за ширмы Лан Цзюнься.

У Ду сделал глубокий вдох, и, когда он собирался что-то сказать, Дуань Лин дернул его за руку в знак того, что он не должен говорить.

Кто-то еще поднимался по лестнице на второй этаж, и его голос доносился до тех, кто находился наверху, еще до того, как он зашел за угол.

— Принесите еще два кувшина вашего вина, — донесся снизу голос Чжэн Яня, — и кусок говядины высшего качества.

У Ду недоуменно обернулся к лестнице.

— Неужели наверху есть частная комната? — спросил Чан Люцзюнь.

Дуань Лин потерял дар речи. Почему они все так внезапно объявились? Дуань Лин даже не знал, что сказать.

Чжэн Янь и Чан Люцзюнь поднялись по лестнице. Войдя, он увидел Дуань Лина и У Ду, сидящих друг напротив друга, и удивленно воскликнул «айо!», но не спросил, зачем они пришли. Он и Чжэн Янь заняли свои места за перегородкой, за которой уже сидел Лан Цзюнься.

Дуань Лин макнул палец в чай и написал на столе: «Что происходит?»

У Ду покачал головой, давая понять, что не уверен. Он показал на улицу. Почему бы нам просто не уйти?

Но Дуань Лин покачал головой в знак того, что хочет остаться и послушать, о чем они будут говорить. Раз уж все четверо убийц собрались здесь, значит, на самом деле затевается что-то важное.

— Прошу прощения, — Чжэн Янь высунул голову из-за ширмы, посмотрел на них и, улыбаясь, произнес. — У Ду, извини, что прервал ваш вечер. Я привел их сюда только потому, что не мог придумать ничего другого.

У Ду сказал:

— Все в порядке, просто говори все, что хотел.

— Ничего срочного, правда, — произнес Чжэн Янь. — Мы весь день не ели, так что давай подождем, когда набьем желудки.

— Ван Шань, ты не вернулся в поместье? А где Му Цин? — Чан Люцзюнь тоже выглянул из-за ширмы, чтобы посмотреть на Дуань Лина.

— Нет. Он все еще с императрицей, так что его наверняка попросили остаться на ужин.

Миски с лапшой принесли наверх и расставили на столах. На столе У Ду и Дуань Лина стояли две миски с лапшой, а также чаша с вонтонами из свежих креветок. Поверх лапши были выложены четыре вида морепродуктов, а в супе плавало несколько лепестков сливы.

— Бульон для лапши — секретный рецепт, — с улыбкой сказал Чжэн Янь, — его готовят из костей угря, утиных хрящей, коровьего сустава, ламинарии северного моря и маринованных цветков сливы, собранных в прошлом году. Вкуснее всего есть с маринованной сливой. Раз уж мы едим лапшу, то для полноты вкуса нужно выпить немного хорошего вина. У Ду, не хочешь кувшин?

— Нет. Мы уйдем, как только закончим с едой. Если вам есть что сказать, говорите.

Дуань Лин чувствовал себя неловко, но раз Чан Люцзюнь и Чжэн Янь были здесь, то Лан Цзюнься, скорее всего, не доставит ему проблем, и он облегченно выдохнул. Однако У Ду выглядел немного раздраженным и сдерживался, чтобы не взорваться.

Официант закончил подавать им лапшу и с поклоном удалился. Чжэн Янь оставил еще одно указание:

— Если мы тебя не позовем, не нужно возвращаться наверх.

— Хочешь есть вонтоны? — У Ду спросил Дуань Лина.

Дуань Лин покачал головой, и никто из них не притронулся к миске с вонтонами. Дуань Лин взял в рот суп и нашел его очень вкусным и совсем не жирным. Лапша была упругой, с приятным привкусом, а моллюски, креветки, брюшко карпа и крабовое мясо свежими и нежными — эта лапшичная действительно оправдала свое громкое название.

— Причина, по которой я попросил нас собраться здесь сегодня, — сказал Лан Цзюнься из-за ширмы, — заключается в том, что я хотел бы услышать мнение каждого из вас по нескольким важным вопросам.

— На встрече в Восточном дворце отсутствовал некий человек, — произнес Чжэн Янь. — Полагаю, ты отправился навести справки.

— Честно говоря, — сказал Лан Цзюнься, — я зашел в трактир при почтовом доме и кое-что узнал. Я не могу самостоятельно разобраться с этим.

Все четверо прекратили свои дела и стали слушать, как Лан Цзюнься рассказывает о том, что ему удалось выяснить.

— Монгольского посланника зовут Хатан-Батор, но на самом деле главный в дипломатической делегации — Амга. Их планы содержат как отвлекающие маневры, так и истинные намерения — Хатан-Батор действует открыто, а Амга — в тени. У них есть и другой мотив, помимо празднования дня рождения наследного принца.

Чжэн Янь ответил:

— Вчера вечером в Восточном дворце я слышал, как министр обрядов говорил о том, что Юань опасается, что Ляо отомстит им после битвы при Шанцзине, и поэтому они задумали заключить союз с Чэнь, чтобы противостоять Ляо, установив с нами дружеские отношения. Между Чэнь и Ляо стоит ярость за Шанцзы, а между Чэнь и Юань — за Шанцзин. Из трех государств каждое считает два других врагами. Канцлер Му и министры долго совещались, но в итоге так и не смогли прийти к решению.

— Что сказал Его Величество? — неожиданно спросил Дуань Лин.

— Его Величество вообще ничего не сказал, — ответил Чжэн Янь.

У Ду произнес:

— Хотя покойный император не был убит монголами, он погиб из-за битвы при Шанцзине. Если наследный принц решит вступить в союз с Юань в это время, боюсь, Его Величество откажется.

— Это так, — ответил Лан Цзюнься, — но в мире нет такого понятия, как постоянный враг. После битвы при Шанцзы вся враждебность нашего народа была направлена на Ляо, так что разве мог кто-то представить, что покойный император поведет войска обратно в Шанцзин, чтобы спасти Елюй Даши?

Чан Люцзюнь спросил:

— Улохоу Му, это мнение Его Высочества или твое?

— А разве важно, чье это мнение? — сказал Чжэн Янь. — Борджигин Бату и Его Высочество — друзья детства, и, если верить слухам, они названные братья, между ними обет анды. Джучи и Бату были спасены и высланы из Шанцзина еще покойным императором. Борджигины надеются установить дружеские отношения с Великой Чэнь и используют эту возможность для

заклучения перемирия.

У Ду повернулся к Дуань Лину. Тот показал на себя, кивнул, а затем между его бровями пролегла складка, и он развел руки в стороны, чтобы показать «общую картину», после чего слегка отмахнулся от него. У Ду понял, что имел в виду Дуань Лин: разумеется, они анда, но решения, принимаемые между двумя государствами, не могут быть омрачены личными отношениями.

— И что? — спросил Чан Люцзюнь. — Заклучим мы этот союз или нет?

— Тогда это будет зависеть от тебя, У-сюн, — сказал Лан Цзюнься. — Его Величество соизволил позвать тебя сегодня в императорский кабинет, и, полагаю, не для того, чтобы поговорить о погоде и поинтересоваться здоровьем твоей семьи.

Дуань Лин на мгновение задумался, и У Ду произнес:

— Его Величество поручил мне кое о чем позаботиться, но что касается подробностей, то мне не подобает их разглашать.

— Я сделаю это от твоего имени, — сказал Чжэн Янь, — ты больше всех осведомлен о мыслях Его Величества. Так расскажите нам.

— Каждый из нас служит своему господину, — произнес У Ду, — но раз уж речь идет о судьбе нации, то нет никакого вреда в том, чтобы сообщить вам. Речь идет о местонахождении Чжэньшаньхэ. Его Величество хочет обменять его на меч хана Хубилая.

На некоторое время все замолчали, прежде чем Лан Цзюнься ответил:

— Что ж, значит, Его Величество не хочет заключать союз. Чан Люцзюнь, каковы условия монголов для заключения союза?

Чан Люцзюнь на мгновение задумался: хотя остальные могли и не знать об этом, но если у них есть желание, они все равно узнают — и это не секрет, поэтому он начал объяснять:

— Когда монгольский посланник прибыл в Цзянчжоу три месяца назад, он нанес визит канцлеру. Хатан-Батор сказал ему, что Чжэньшаньхэ находится в Юань, но не в руках Бату. Если два государства надумают заключить союз, северным армиям придется отступить от горы Цзянцзюнь, а нам — проложить торговый путь с севера на юг. Великая Чэнь должна отдать города Е и Хэцзянь и присоединить их к территории Юань.

— Е — ключевой город у северной границы, — сказал Дуань Лин, — мы никак не можем его отдать.

— В обмен они также отдадут сто двадцать ли территории под Юйбигуань. Таким образом, после обмена территориями между Чэнь и Юань монголы смогут сосредоточить свое внимание на Ляо и медленно продвигаться на юг. Если императорский двор заключит с ними этот союз, обе стороны обменяются городами, Юань вернет Чжэньшаньхэ, а затем мы заключим брачный союз, чтобы установить столетний мир и обещание никогда не воевать.

Местонахождение Чжэньшаньхэ до сих пор было неизвестно; можно предположить, что с большой долей вероятности он находится в руках монголов.

— Брачный союз? — спросил У Ду. — С кем? Не с семьей Яо же, в самом деле? Сколько у них дочерей на выданье?

В тоне У Ду была доля злорадства, и Дуань Лину сразу же стало ясно, почему Чжэн Янь так переживает по этому поводу. Яо Чжэн — принцесса, но за кого бы она ни была выдана замуж, она не захочет вступать брак к северянином. Если императорский двор действительно согласится на это, то Яо Фу останется только со слезами на глазах попрощаться с дорогой дочерью.

— Одним словом, — сказал Чжэн Янь, — таково нынешнее положение дел. Теперь пора послушать, что хотел сказать Улохоу Му.

Все снова замолчали, прежде чем Лан Цзюнься заговорил.

— По моим предположениям, монголы на этот раз попытаются использовать как принуждение, так и уговоры. Я все еще пытаюсь выяснить, какой именно метод они выберут.

— Принуждение и уговоры? Если они не смогут убедить нас, то чем они могут нас принудить? Что можно использовать для шантажа наследного принца — вот что я хотел бы знать.

Только У Ду, Лан Цзюнься и Дуань Лин понимали суть этих слов; У Ду искусно построил фразу, и до сих пор Лан Цзюнься не мог быть уверен, знает ли У Ду, что Цай Янь занял место Дуань Лина, словно кукушка, крадущая гнездо. Естественно, при всех Лан Цзюнься не мог сказать, что Хатан-Батор собирается угрожать им раскрытием личности поддельного наследного принца, чтобы способствовать союзу между двумя странами.

— А что думает канцлер Му? — спросил Чжэн Янь.

— Этого я не знаю, — ответил Чан Люцзюнь, — следует спросить у Ван Шаня.

— Я знаю еще меньше, — сказал ему Дуань Лин. — Канцлер Му ничего не говорил.

Чан Люцзюнь произнес:

— Если мы действительно не хотим вступать в союз с Юань, то, когда дело дойдет до этого, последнее слово будет за Его Величеством и Его Высочеством. Разве все не закончится, если мы просто вышлем Хатан-Батора и Амгу из страны как можно скорее?

Чжэн Янь ответил:

— В этом-то и проблема. Никто не принимает решения, и даже Его Высочество не хочет лично вмешаться и сказать им, чтобы они уезжали. По правде говоря, он — как раз тот человек, который больше всего подходит для этой цели.

Несмотря на то, что к посланникам следует относиться с почтением, когда речь идет о заключении союза между двумя государствами, и ни в коем случае нельзя их просто выдворять, монгольский посланник номинально находился здесь, чтобы отпраздновать день рождения наследного принца и привезти ему подарки. Чтобы прогнать его, Цай Яню достаточно написать одно письмо.

— Не обязательно, — сказал Дуань Лин. — Если Амга не захочет уезжать, он всегда сможет найти предлог, чтобы остаться. Кроме того, у чиновников нашего императорского двора сложилось ошибочное представление о монголах. Они, может быть, и прямолинейны, но отнюдь не глупы. Они думают о вещах не так, как мы, и очень умело используют чужие слабости. Причина, по которой хан Угэдэй напал на Шанцзин, заключалась именно в том, что он увидел разлад между Елюй Даши и кланом Хань Вэйюна. Уверен, вы все прекрасно понимаете как преимущества, так и недостатки такого раскола.

Лан Цзюнься, казалось, был слегка напуган. Чжэн Янь уже был проинформирован о деятельности Ван Шаня в Тунгуань, а Чан Люцзюнь часто слышал, как Чан Пин и Му Куанда оценивали этого парня, поэтому они ничуть не удивились.

— Тогда, по твоему мнению, что мы должны делать? — медленно произнес Чжэн Янь.

— Его Величество хочет заключить этот союз? — первый вопрос Дуань Лина был адресован У Ду.

— Не хочет, — покачал головой и сказал У Ду. — Иначе он бы не попросил меня разыскать меч.

— Хочет ли наследный принц заключить этот союз? — продолжил спрашивать Дуань Лин.

Все повернулись к Лан Цзюнься. Тот не ответил.

Конечно, Цай Янь не захочет заключать этот союз. Во-первых, он догадался, что Ли Яньцю не хочет этого, а во-вторых, ему угрожает монгольский посланник. Если ему удастся это сделать, Цай Янь, скорее всего, задумается о том, как ему убить всех этих людей, включая Бату. К сожалению, Лан Цзюнься не был способен на такие несбыточные фантазии.

— Чан Люцзюнь, хочет ли канцлер Му заключить этот союз? — спросил Дуань Лин.

Чан Люцзюнь закончил есть лапшу и надел маску.

— Может, ты сам его спросишь? Ты сейчас у него в фаворе. Он не станет скрывать это от тебя.

— Раз уж он не хочет скрывать от меня, то все равно, если ты сам мне скажешь.

— Министр доходов Су Фа, великий секретарь У Цзунь, главнокомандующий «Черных доспехов» Цзянчжоу — великий генерал по умиротворению Се Ю, — сказал Чан Люцзюнь, — люди, которые поддерживают союз.

Затем он обратился к Лан Цзюнься и Чжэн Яню:

— Другими словами, почти все, кто сегодня находится в этом павильоне, кроме канцлера Му, выступают за союз с монголами. Но что касается самого канцлера Му, то о его желаниях я не смею строить догадки.

У союза с Юань есть как плюсы, так и минусы; Дуань Лин знал, почему они поддерживают заключение союза — если они подпишут это мирное соглашение и будут его соблюдать, на границах будет спокойно по крайней мере десять лет, а монголы получают возможность взять Ляо под контроль. Возможно, Великая Чэнь даже сможет напасть на Ляо со спины и добиться преимущества перед ними.

Если не будет войны, то Цзяннань получит широкие возможности для развития; снижение налогов и пошлин даст области к югу от Янцзы шанс восстановиться после десятилетий милитаристского правления, которое не прекращалось с тех пор, как император Ляо вторгся на юг.

— Хочет ли Хуайинхоу этого союза? — спросил Дуань Лин.

— Полагаю, что нет, — спокойно ответил Чжэн Янь.

— Ну что ж, тогда давайте пока предположим, что они все согласны, — сказал Дуань Лин. — Сначала Улохоу Му выяснит, что произойдет, если они решат прибегнуть к «принуждению», и лучше избавить нас от этой возможности. Чжэн Янь создаст видимость, что действует по приказу Хуайинхоу, нанесет визит Хатан-Батору, выразит добрую волю и заверит, что вопрос о союзе все еще открыт для переговоров и будет обсужден позднее, и что он приложит определенные усилия для достижения положительного результата. В то же время выведай у них какую-нибудь информацию и узнай, действительно ли Чжэньшаньхэ находится в руках монголов.

— Поскольку эти двое прибыли с целью заключить союз, предложи им использовать деньги для

подкупа чиновников императорского двора и установить с ними контакт, а также попросить крупных чиновников выступить от имени монголов перед наследным принцем. Но, Чжэн Янь, не бери взятку сам.

— Чан Люцзюнь, ты тоже навести их. Намекни им, что канцлер Му намерен содействовать этому союзу, но выбор императорского двора во многом зависит от позиции наследного принца, а когда позиция наследного принца неясна, он чаще всего прислушивается к мнению главных чиновников.

— У Ду отправится к Его Величеству за рукописным императорским указом, а когда посланники начнут раздавать взятки, вы сможете провести расследование и выяснить, кто из них берет их.

— Чан Люцзюнь сообщит сведения канцлеру Му, и как только канцлер Му начнет расследование и найдет доказательства, ты передашь их У Ду. Затем У Ду представит их Его Величеству, что даст нам повод изгнать посланника. В то же время дело о коррупции среди подкупленных чиновников окажется в руках канцлера Му и наследного принца, что даст им возможность в любой момент обвинить кланы Су и У. А уж возьмут они взятки или нет, будет зависеть только от них. Что касается Се Ю, то я знаю, что он, скорее всего, не станет брать взятки. Он преследует только интересы страны.

Как только он закончил говорить, все в комнате на некоторое время погрузились в тишину, и Чжэн Янь заулыбался.

— В конце концов, прийти сюда сегодня ночью было правильным решением. Давайте на этом закончим. Каждый из нас пойдет делать то, что должен.

И вот трое сидящих за ширмой больше ничего не говорили и ушли так же быстро, как и пришли, оставив после себя перегородку и двух человек. У Ду даже не притронулся к лапше, а миска Дуань Лина была уже пуста.

Неужели они вот так просто уйдут? — подумал Дуань Лин. Но, наверное, этого и следовало ожидать. Время ценно для всех.

— На чем мы остановились? — неожиданно произнес Дуань Лин.

У Ду поднял на него глаза, не говоря ни слова; они смотрели друг на друга, немного неловко и молча. Дуань Лину очень хотелось послушать, как У Ду будет рассказывать ему еще о том, что он готов взять его с собой повидать снег, океан, всевозможные красивые пейзажи, и сделать для него то-то и то-то, но У Ду больше ничего не говорил.

— Холодно, и стемнело, — сказал У Ду. — Если ты доел, то пойдем домой и немного отдохнем.

Дуань Лину ничего не оставалось, как встать, а его взгляд скользнул по уже остывшим вонтонам на столе. Несколько снежинок залетели в окно и упали в миску.

Как и прежде, по дороге домой Дуань Лин сел на лошадь вместе с У Ду. Тот укутал его плащом, закрывая лицо от снега, и Дуань Лин слышал, как бьется его сердце. Сегодня он часто предавался воспоминаниям.

Он вспоминал ночь в Шанцзы, старика, призывающего купить его вонтоны под звук деревянных колотушек; вспоминал, как за Лан Цзюнься охотился У Ду от Хучана до самого Шанцзина, и как в ту ночь он вот так же обнимал Дуань Лина, когда они ехали домой.

В минуту рассеянности мысли Дуань Лина словно вернулись к той ночи — когда он на бесшумных ногах выскользнул из своей комнаты и шел по коридору среди поющих голосов. Сложная архитектура ночного Шанцзина была припорошена снегом, но он и яркие фонари уже скрылись за переплетением образов танцующих под цветочные барабаны и теней, отбрасываемых низко горящими фонарями. Он привстал на цыпочки, заглядывая в оконные стекла, а внутри был разноцветный, ослепительный калейдоскоп. Бесчисленные мечты собирались и рассыпались, словно он заглянул в совершенно иной мир.

— Тебе холодно? — почувствовав, что Дуань Лин поднял голову и крепче обнял его, У Ду посмотрел вниз.

Он слегка сжал его руку и утешающе произнес:

— Скоро мы будем дома.

— Мне не... — Дуань Лин подбирал слова, но не знал, что делать в этом сне.

Когда они вернулись домой, У Ду зажег фонари, и во дворе стало светло. Раньше, во времена предыдущей династии, поместье канцлера в Цзянчжоу было официальной резиденцией крупного торговца солью, и в этом боковом дворике он поселил свою наложницу. Торговец солью очень дорожил ею и не упустил случая провести теплый пол в боковой двор для ее удобства. Это, кстати, пошло на пользу и Дуань Лину.

У Ду привел в порядок свою одежду, разложил ее сушиться над огнем и убрал Легуанцзянь, который надевал сегодня. Дуань Лин блуждал взглядом по комнате, следя за ним; никогда прежде У Ду не казался ему настолько красивым и грациозным, что от каждого его движения замирало сердце.

— В чем дело? — У Ду чувствовал, что этим вечером Дуань Лин действительно не в духе.

— Ни в чем, — Дуань Лин сел на низкую кушетку в одном из углов комнаты, думая, что, как только У Ду закончит, он подойдет и сядет с ним; так он сможет опереться на него, как всегда.

Но У Ду лишь спросил его:

— Ты не наелся за ужином? Может, мне попросить кухарку приготовить тебе еще еды?

— Я сыт, — сразу же ответил Дуань Лин.

У Ду открыл ящик, доставая несколько лекарственных ингредиентов.

— Что ты делаешь? — с любопытством спросил Дуань Лин.

— Собираю лекарство. Мне вдруг пришла в голову эта мысль, потому что ты сказал... Не спускайся, здесь холодно. Разве ты не можешь просто остаться на кровати?

Дуань Лин настоял на возможности посидеть у стола и посмотреть, как У Ду собирает лекарство. Тонкие пальцы У Ду, орудуя маленьким ножом, совершали круговые движения по столу, тыльной стороной ножа измельчая семена в порошок, а затем соскабливая его в маленькую медную ступку.

Даже пальцы у него красивые, подумал Дуань Лин.

— Это ядовито, — сказал У Ду, — не трогай. Он надел на правую руку шелковую перчатку, выбрал крыло бабочки, покрытое фосфоресцирующими чешуйками, и соскреб с него порошок.

— Рука зажила?

У Ду бросил взгляд на Дуань Лина.

— Давно зажила.

Дуань Лин потянул руку У Ду к себе и взглянул на старую рану, полученную им при столкновении с мечом. После того как она заросла, на ней осталась полоса.

— У меня появилась новая линия любви, — пошутил У Ду.

— А что с твоей правой рукой? — Дуань Лин попытался схватить У Ду за правую руку.

— На моей правой руке ее нет, — ответил У Ду. — На ней же яд! Не трогай!

Дуань Лин положил руки на стол, голову на руки и повернул лицо набок, чтобы посмотреть на У Ду, разглядывая его переносицу и губы; чем дольше он смотрел на них, тем больше

влюблялся. В его сердце зародилась мысль — он хотел подойти ближе, прикоснуться губами к губам У Ду, но у него не хватало смелости сделать это.

Тем временем У Ду сосредоточился исключительно на том, чтобы собрать свой яд. Когда он заметил, что Дуань Лин все это время смотрел на него, на его щеках появился румянец.

— Не чихай, — предупредил У Ду Дуань Лина. — Иначе ты...

— Умру, — улыбаясь, произнес Дуань Лин. Если бы У Ду не напомнил ему, он бы и не захотел чихать, но теперь у него зачесался нос.

— Знаешь, что удивительного в яде, который готовит твой господин? — У Ду приподнял бровь, обращаясь к Дуань Лину.

Дуань Лин покачал головой, продолжая внимательно наблюдать за У Ду.

— О.

— Хочешь спать?

Видя, что Дуань Лин выглядит несвойственно ему сосредоточенным, настолько, что даже не реагирует на поддразнивания, У Ду принял это за нестандартное поведение и рассудил, что Дуань Лин все еще думает о том, что случилось с Ли Яньцю. Поэтому он снял перчатку, вымыл руки и собирался подойти, чтобы обнять его, но, вернувшись, обнаружил, что Дуань Лин уже лежит на кровати.

У Ду лег точно так же, как и каждый вечер, но только сегодня у Дуань Лина перехватило дыхание; У Ду протянул руку, чтобы Дуань Лин, как обычно, положил голову на подушку, и тот нервно придвинулся ближе.

— Почему у тебя так быстро бьется сердце? — озадаченно спросил У Ду.

— Это не так, — сразу же опроверг Дуань Лин.

У Ду провел рукой по груди Дуань Лина, затем по голове, но у того не было жара. Тогда он забрался под его лацкан, но когда его пальцы оказались на обнаженной коже, Дуань Лин подумал, что это ощущение чудесно, но тут же воскликнул:

— Не надо!

У Ду осталось только не прикасаться к нему, и они легли спать. Несколько раз Дуань Лину

хотелось повернуться на бок и обнять У Ду, но он не осмеливался сделать это — сам не понимая, чего боялся, только думал, что его сердце в полном беспорядке.

— У Ду, — теперь, когда У Ду замолчал, Дуань Лину захотелось услышать его голос. — Для чего этот препарат?

У Ду рассказал без всяких предисловий:

— Яд для Амги и Хатан-Батора, который создаст неприятное чувство, будто они не привыкли к местной пище и воде. Он будет медленно их мучить.

— У тебя есть слабительное?

Дуань Лин часто задавался вопросом, что будет, если у таких мастеров боевых искусств, как Чан Люцзюнь, У Ду, Чжэн Янь и Лан Цзюнься, заболит живот, когда они будут в разгаре поединка.

Но У Ду засмеялся.

— Хочешь, чтобы я дал тем двоим слабительное?

Му Цин как-то сказал Дуань Лину, что прежде, чем кого-нибудь убить, Чан Люцзюнь снимает маску и произносит три фразы: первая — «приветствую», вторая — «меня зовут Чан Люцзюнь» и третья — «я пришел убить тебя». И только сказав все это, он делает свой ход. Каким бы искусным мастером боевых искусств ни был его противник, все они умирали в одно движение. Кроме того, почти все, кто слышал эти три фразы, мертвы — в живых остался только Улохоу Му.

Тогда почему Му Цин услышал все три фразы и остался жив? Погодите, это не самое главное. Первое, что пришло в голову Дуань Лину, когда разговор зашел о слабительном, — Чан Люцзюнь снимает маску и, сказав две фразы из трех, прерывается после «Меня зовут Чан Люцзюнь», взмахом руки просит оппонента подождать, так как не может продолжать, а затем убегает в кусты справить нужду. От этой мысли он просто взорвался от смеха.

— Чего ты хохочешь? — озадаченно спросил У Ду.

— Ничего, — Дуань Лин ответил ему совершенно спокойно, чтобы У Ду не вздумал подшучивать над Чан Люцзюнем, и тогда их хрупкой дружбе, завоеванной с таким трудом, придет конец.

— Ты собираешься сегодня поработать? — спросил Дуань Лин.

— Не-а, — У Ду снял с Дуань Лина серебряные доспехи, сложил их у изголовья кровати и велел ему ложиться спать.

Дуань Лина не покидало ощущение, что у монголов есть еще что-то в запасе, что они могут использовать для шантажа, но это уже проблема Лан Цзюнься, и он, вероятно, беспокоится об этом больше, чем Дуань Лин.

Пока что Лан Цзюнься не может выделить время, чтобы прийти и убить Дуань Лина, к тому же он почему-то не сказал Цай Яню, что он жив. Дуань Лин не мог перестать думать об этом, и в этом было что-то неправильное. Положив голову на руку У Ду, он обнаружил, что его воображение разгулялось, а сердце стало бешено колотиться. Ему захотелось его обнять; У Ду был широк в плечах и тонок в талии, его телосложение было очень похоже на фигуру его отца, поэтому, когда Дуань Лин засыпал, ему еще больше захотелось прижаться к нему.

Но даже при малейшем движении его ноги натыкались на то, что находилось между ног У Ду. Он гадал, спит ли он. Однако эта штука, похоже, вполне бодрствовала, и он чувствовал, как она быстро растет.

Неужели я ему тоже нравлюсь? Эта мысль внезапно пришла ему в голову. Он вспоминал каждую ночь, проведенную вместе, и то, как У Ду любил дразнить его, доходя до шуток о том, что он «возьмет» его...

Дуань Лин чувствовал беспокойство и тревогу; он тайком открыл глаза, чтобы взглянуть на У Ду, и обнаружил, что тот ровно дышит, как будто уже спит. Они провели весь день в беготне, и Дуань Лин начал чувствовать сонливость, пока не смог удержать глаза открытыми и постепенно провалился в сон.

Спустя долгое время У Ду осторожно повернулся на бок и притянул Дуань Лина в свои объятия. Как и обычно, тот подсознательно закинул ногу на его талию, и в итоге они уснули, крепко прижавшись друг к другу.

Дыхание У Ду было очень тихим. Некоторое время он наблюдал за Дуань Лином, их тела были прижаты друг к другу, а дыхание смешалось. Прошло еще немного времени, прежде чем У Ду удалось сдержать свой порыв поцеловать его, и, заставив себя закрыть глаза, он сделал глубокий вдох и спокойно уснул.

Дуань Лину снился странный сон.

Он лежал на телеге, которую тащил Бэнь Сяо, и на нем не было никакой одежды. Когда он понял, что раздет, то собрал вокруг себя сено, чтобы прикрыться им, и его щеки вспыхнули румянцем.

— Папа! — позвал он.

К нему никто не подошел, но спустя некоторое время рядом с повозкой появился тигр. Это был огромный белый тигр с ласковыми глазами, который в два счета забрался на телегу и откинул лапами сено в сторону, подставляя Дуань Лина под его внимательный взгляд.

Дуань Лин чувствовал себя одновременно и взволнованным, и смущенным, но в его голове не возникло ни единой мысли о том, чтобы сопротивляться. Он протянул руки, обхватил тигра, и тот лег на него, прижимаясь носом к щеке. Вся шерсть на его теле развернулась так, что самая чувствительная часть Дуань Лина оказалась в его мягком подшерстке, и ему стало так хорошо, что он застонал. Ощущения накапливались внутри него, как притоки в большую реку, и когда они вырвались из него с силой, достаточной для свержения гор, звук крови, приливающей к глазам, лишил его сознания.

Небо посветлело, и Дуань Лин проснулся. Перевернувшись на спину, он подсознательно попытался обнять У Ду, но тут же понял, что его уже нет.

— У Ду? — Дуань Лин приподнялся и только тогда заметил, что его штаны тоже исчезли. Одежда на ощупь были прохладными.

— Я здесь! — У Ду был на заднем дворе, и, судя по его тону, он был немного раздражен.

Щеки Дуань Лина вспыхнули, и он прижал к себе одеяло. Что случилось прошлой ночью? Почему с меня сняли штаны?

— Что ты делаешь? — спросил Дуань Лин.

— Стираю твои штаны! — ответил У Ду.

Дуань Лин чувствовал себя как-то странно. Неужели У Ду что-то сделал с ним, пока он спал прошлой ночью? Совсем как с мальчиками в борделе... Но как эта его штуковина вообще попала в меня... Дуань Лин тут же потянулся потрогать себя, но ничего не болело. Так что же случилось?!

— Ч-ч-ч-что? Зачем ты снял с меня штаны?

— Ты обмочил кровать!

— Не может быть! Мне уже шестнадцать! С чего бы мне мочиться на кровать?!

— Если я сказал, что ты обмочился, значит, обмочился.

Было так холодно, что земля замерзла, а У Ду сидел во дворе и стирал белье. Его руки покраснели, и лицо тоже.

— Не спрашивай меня больше!

— Не может быть, чтобы я описался, — повторил Дуань Лин.

— Это был я, я. Я обмочил кровать. Так что больше не говори!

Дуань Лин начал от души смеяться, но потом подумал, этого не может быть, и ощупал одеяло — здесь должно было быть большое пятно, если он описался. Он тут же спрыгнул с кровати, нашел штаны и накинул на себя халат, чтобы пойти посмотреть во двор. У Ду смотрел вниз, оттирая портки Дуань Лина, но его собственные штаны все еще лежали рядом с ним, невымытые.

Дуань Лин попытался взглянуть на штаны У Ду, но тот схватил их и бросил в таз, и с красными щеками и ушами приказал Дуань Лину идти в дом.

За завтраком Дуань Лин снова спросил его:

— С чего бы тебе мочиться на кровать?

У Ду молча смотрел на него.

— Не спрашивай меня больше, — проворчал У Ду. — Я долго терпел, а прошлой ночью ты продолжал тереться об меня, и я не смог больше сдерживаться и прорвало, ясно?

— Что прорвало? — спросил Дуань Лин, совершенно обескураженный.

У Ду опустил лоб на руку.

— С сегодняшнего дня я сплю на полу, а ты — на кровати.

— Нет... — жалобно воскликнул Дуань Лин.

С выражением беспомощности на лице У Ду указал на еду, подразумевая, что Дуань Лин уже должен приступить к завтраку. Заглатывая пищу, Дуань Лин вспоминал свои ощущения, которые испытывал прошлой ночью; казалось, что наряду со сном прошлой ночи он что-то решил. Он чувствовал себя немного уставшим, но настроение у него было приподнятое.

Ему было интересно, выполнили ли уже Чан Люцзюнь и Чжэн Янь свои задания, но, скорее всего, это займет больше времени. Дуань Лин несколько минут обдумывал свои планы: сейчас двенадцатый месяц, и совсем скоро начнется Праздник весны, так что даже при самом рациональном подходе они закончат работу только после Нового года. Если он ничего не услышит от них, то просто продолжит делать то, что делал. Поэтому после завтрака он, как

обычно, отправился на занятия с Му Цином.

<http://bllate.org/book/15657/1400656>